
МАРГАРИТА АРДО
ЛЕДЯНАЯ МАГИЯ
ХОД КОТОМ

Замурчательный новый кот

Маргарита Ардо

Ход котом

«Автор»
2026

Ардо М.

Ход котом / М. Ардо — «Автор», 2026 — (Замурчательный новый кот)

Тихий провинциальный городок, канун Нового года. Дочь главного императорского мага, впавшего в немилость, приезжает из столицы в забытый семейный особняк. Только то, что спрятано в старом доме, способно спасти ее отца. Главное, не попасть на крючок чересчур проницательному инспектору магического контроля. А он тоже почему-то очень хочет попасть в их загадочный дом...

© Ардо М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Маргарита Ардо
Ход котом

Глава 1

– Извозчик! – крикнула я, поставив на скамью модный красный саквояж с чуткой предосторожностью – как бы не треснула крокодиловая роскошь от такого мороза…

К счастью, косматые дворняжки не обратили на саквояж никакого внимания – их тянуло в тепло допотопного здания вокзала. Собственно, и мне туда хотелось, но у меня было дело. Важное, не для чужих глаз и ушей.

Метель била в лицо, методично накрывая неповоротливый, как время в очереди, ветхий южный городок. Непривычный к зиме, он, казалось, вздрагивал от колкой вьюги и не знал, куда спрятаться. Фонарь с размаху колотился о столб, как пьяница лбом в чужую калитку. Ветер клонил к земле припорошенные снегом, замерзшие намертво алые розы на высоких стеблях.

Вокзальные служащие с пунцовыми, как рождественские яблоки, щеками кутали носы в шарфы. Часто моргая, дюжие охранники пытались сбить налипающие снежинки с ресниц, но им это не помогало. И хорошо: на мои документы они даже не глянули…

Высоко поднятые воротники, тулупы мужиков, постукивания валенок один об другой, завихрения поземки по-над подбитой рытвинами дорогой, потемневшие лапы елок в печали и ошалевшие от мороза юкки. А папа говорил, тут чудо как хорошо! Врал, наверное. Как обычно…

Здоровенный тулуп в шапке, нахлобученной так, что между двумя краями вывернутой овчины, лишь сосредоточившись, можно было рассмотреть глаза, зашевелился на козлах и с хрустом подкатил по мостовой.

– Куда, барышня?

– Горбатая улица, тринадцать. Дом с витражами и круглой башней, тот что с вензелями на стенах, – выплевывая изо рта пургу, проговорила я.

– Там не живет никто, барышня, – буркнул извозчик.

– Я живу.

– И не боитесь?

– С чего бы? Я там родилась.

***

Несколько минут ухабистой и малоприятной дороги в обнимку с саквояжем не располагали к разглядыванию достопримечательностей. Сквозь вьюгу в глаза мало что разберешь. Я расплатилась с извозчиком, застрявшим в сугробе из любопытства. Поднялась по заснеженным ступенькам парадной и достала большой железный ключ с вензелем.

– Барышня из Багриных будет? – Извозчик, наконец, не выдержал давления пытливости на мозг.

– Из них. – Кивнула я и, незаметно плюнув на ключ, провернула его в замочной скважине.

– Может, гостиница лучше?

– Разберусь, милейший.

Мужик в овечьем тулупе крякнул и вряд ли заметил синюю искорку, влетевшую в дом одновременно с поворотом ключа. Зато дверь поддалась и, слегка скрипнув, поприветствовала. Я вошла в промерзлое помещение. Искра нашей семейной магии пролетела по коридору, по комнатам, под потолками с лепниной, по углам с колоннами и большими печами, покрытыми изразцами, словно сообщая всему, что могло прятаться в тени: «Спокойно, свои! Трогать нельзя!»

Захлопнув высокую дверь, я поклонилась в сиреневые сумерки пустого дома и сказала:

– Приветствую тебя, хозяин.

Пространство, секунду назад мертвое, задышало, отозвалось ответным чувством, словно кто-то крикнул из дальних комнат «Ура!» и побежал мне навстречу. Несмотря на холод, внутри стало тепло.

Я прошла в столовую, сдернула с большого круглого стола белую простыню и поставила саквояж. Наконец-то я открою его и…

Во входную дверь затарабанили железным кольцом, что торчало снаружи, словно на пожар. Я в сердцах выругалась и открыла. На пороге стояла деваха лет шестнадцати, крупная, розовощекая, с рыжими курчавыми прядками, торчащими из-под серого пухового платка. В руках ее красовались дрова. Деваха без «здрасьте» затараторила, выплескивая на ходу восторг и услужливость:

– Вот уж никак не ждали, что молодая барышня приедет до дому, а не старый хозяин! Та нехай, нам одно любо, что туточки вы! Все как положено, честь по чести за домом следили. Таперича, как договорено, я сразу шасть и к вам. Не татка, не мамка, а я, бо как куча мала дома народу – мешалкой не перевернешь, старшим некогда, меня и назначили тута главной.

– Стоп, любезная! – Остановила я поток слов, готовый меня снести вместе с пургой в лицо. – Что ты от меня хочешь?

– Как што? – Она показала на дрова, сунув охапку чуть ли мне не в нос. – Топить. Договорено было со старым хозяином. Раз зима…

И правда зуб на зуб не попадал. Я пропустила девицу в дом, покосившись на саквояж на столе. Придется обождать.

Деваха забегала туда-сюда, замельтешила, со знанием дела растапливая печь в гостиной, затем в спальнях наверху. Орудовала кочергой, таскала откуда-то новые дрова, подкладывала щепки, раскрасневшись еще больше. Зажигала свечи, воткнув их в канделябры одну за одной.

– Звать-то тебя как? – спросила я, расстегивая шубку – в доме стало жарко и светло.

Дом девушку признавал, даже как-то любил ее. Вот и теперь он, словно довольный кот, развалился, мурча от удовольствия в сытом тепле. Меня тоже начало размаривать. Но руки уже чесались раскрыть саквояж…

– Настасья. Палатовы мы. – Она мотнула головой куда-то влево. – С задней улицы. Через двор тропка, калитка потайная тама. А вас как величать?

– Анна Филипповна. Благодарю тебя, Настя, за работу. Все замечательно! – Я протянула ей деньги. – Дальше я сама.

– Спасибочки. – Увидев щедрую плату, девица заулыбалась пуще прежнего, но вдруг спохватилась: – Ой, а вечерять? Как же вы с дороги ни пивши, не емши?

– Настя, спасибо, у меня есть чем ужинать. Спокойной ночи. – Я дала ей еще монету и закрыла входную дверь.

Задвинула шторы, чтобы при свете в семь свечей с трех канделябров любопытствующие аборигены не глазели в окна. Стащила простыни с дивана, стульев, кресел, и комната обрела жилой вид. Я одернула дорожное платье из прекрасного английского сукна. Подошла к саквояжу. Протянула руки к застежке.

Стук в дверь.

***

На крыльце снова стояла Настасья. Она пошла на меня, держа как таран накрытый рушником горшок. Я хотела было не пускать, но поняла, что возможны потери, так что все-таки отступила.

– Холодная говядина, огурчики соленые, лук зеленый, мамка на окошке ростит, пирога кусок с капустой. Извиняйте, барышня, шо так скромно. Можа, вам картошечки отварить?

– Всего достаточно! Спасибо, Настя, больше не надо.

Я протянула ей еще денег, но та запричитала:

– Куды ж, куды ж, вы и так за топку платили. – И сгребла все подчистую.

Вот и прекрасно. Я предпочитаю честный товарно-денежный обмен. Без недомолвок.

– А можа…

– Это всё, Настя. Меня не беспокоить до двенадцати дня завтра.

– А ежели…

– Настасья. Иди домой. Спасибо! – Отчеканила я, бросая взгляд на саквояж.

***

Наконец, я осталась одна. Заперев дверь, я решительно направилась к саквояжу. Он по-прежнему стоял на столе. Латунный обод, темно-красная крокодиловая кожа, небольшой, но удобный.

В дверь постучали. Я мысленно зарычала и сжала кулаки, собираясь вопреки заветам папы, окутать дом защитной магией, чтобы обо мне, наконец, все забыли и оставили в покое.

На пороге стоял высокий темноволосый молодой мужчина в черной шинели. Монументальный и припорошенный снегом, как статуя императора перед дворцом. Нос и скулы были однозначно достойны царских кровей. И подбородок… Мне в глаза бросилась серебристая звезда магоконтроля на лацкане. Дыхание сперло: «Так быстро успели доложить?» Даром что он был красив. Мужчина, не лацкан. Хотя и тот был пошит тщательно, явно не в переулке косых ведьм.

– Добрый вечер, сударыня, – сказал он низким интригующим тембром, и в животе моем что-то отозвалось: то ли страх, то ли голод с дороги, то ли зов запретной любви, о которой приличным девушкам было знать не положено, но мне как-то довелось.

Я с достоинством склонила голову, мурашки пробежали по спине и затылку.

– Добрый вечер. С кем имею честь?

– Александр Ильич Гроф, инспектор из магоконтроля. Я могу войти?

– Простите, сударь, я только что с дороги… Нынешние путешествия в поездах выматывают, я чрезвычайно устала.

– Я вас не задержу.

– Хорошо, проходите.

Мужчина вошел слегка настороженно, осмотрелся с любопытством, снял фуражку и перчатки, стряхнул снег с плеч и волос мощной рукой и посмотрел на меня гораздо внимательнее шефа столичной стражи.

– Нам стало известно, что кто-то заехал в дом бывшего королевского мага Филиппа Арнольдовича Багрина, сбежавшего давеча из суда…

– До суда, – подчеркнула я, – и суд не состоялся. Официальный приговор моему папеньке не был объявлен. Я, кстати, его дочь, Анна Филипповна Багрина.

– Рад знакомству. Однако ваш отец находится в розыске по делу о государственной измене. Где он, сударыня? – Инспектор посмотрел на меня так, словно я украла здесь всё, включая дрова.

– Вы знаете? – С надеждой спросила я.

– Нет. А вы?

– Увы… – Грустное лицо мне всегда хорошо удавалось.

Его бровь вопросительно изогнулась, словно на этот раз печаль у меня получилась не очень.

Похоже, этот инспектор та еще заноза. Да пошли Господь ему блох, чтобы думать обо мне было некогда! Хотя жалко: такому симпатичному – и блох…

– Я уехала из столицы в этот одинокий дом, потому что больше не могу выдерживать сплетни и толки. А учитывая побег, непонятный статус моего отца и то, что он меня бросил, можно сказать, что теперь я сирота. Это весьма горестно, сударь, для меня лично. Но перед

законом я чиста и приехала сюда за покоем! – Последнее слово я подчеркнула, как писарь важное.

– Но вы маг, – не спросил, а констатировал он.

– Родителей и дар Божий не выбирают, – сказала я, скромно потупив глаза.

– Я обязан проверить дом.

– Он пуст. Со мной только этот саквояж с дамскими вещами.

– Ясно.

Темноволосый красавец сунул свой императорский профиль во все комнаты, даже в те, в которых я еще не побывала, постоял перед старым прямоугольным зеркалом в латунной раме во весь рост. Покрутил в пальцах синий шарик – распознаватель запретной магии – и ничего не нашел. Точнее, никого. Оценив беглым взглядом саквояж, инспектор заглянул внутрь и захлопнул обратно, видимо, решив, что между корсетом, чулками и панталонами беглому колдуну не спрятаться.

– Простите.

А я удивилась, что его можно было смутить дамским бельем.

– Дом не обжит, – вдруг сказал инспектор. – Если желаете, могу сопроводить вас в гостиницу.

– Нет! – как-то слишком резко выдала я. – Единственное, что я хочу, чтобы меня оставили в покое!

– Как угодно. Но если…

– Мне больше ничего не нужно! Только выспаться в доме моих родителей! Будьте любезны…

Инспектор вежливо попрощался и снова посмотрел так, что меня пронзило мурашками с ног до головы, и я поняла: он обязательно вернется. Возможно, Настасья, извозчик и даже привокзальные дворняги состоят у него на службе. Врал папа мне про этот город, ох врал…

Впрочем, папа врал не только мне, но и самому императору. И венценосному это не понравилось. Между плахой и ссылкой папины перспективы на будущее пока остановились где-то на уровне виселицы. Пора привыкать к публичному статусу сироты. Может, даже следовало пошить черное траурное платье? Или пока довольно коричневого – под цвет уныния и запаха чужих домыслов…

***

Взяв волю в кулак, я прождала целый час. Никто не стучал. Не приходил. За шторами стемнело, буран разыгрался пуще прежнего. Я подошла к саквояжу. Со вздохом щелкнула замком, поднесла амулет, закрыла и открыла еще раз. А потом склонилась к саквояжу и сказала:

– Папа, вылезай.

Глава 2

Саквояж пошевелился, раскачался, заходил ходуном. На раскрытых половинках появились две смуглые мужские руки, унизанные перстнями. Из саквояжа вылезла взъерошенная голова. Кудрявые, чуть прореженные сединой темные волосы, толстый нос, крючковатый слегка, подстриженные, до неприличия распушившиеся борода и усы, ершистые брови, глаза – карие ежики с чертенятами.

Папа весело осмотрелся, подтянулся на руках и, на мгновение застряв в талии, выпрыгнул из саквояжа на пол ловко, как гимнаст на пенсии. Невысокого роста, с пузиком навыкат, пытающимся пробить путь к свету сквозь черную шелковую жилетку, в теплых брюках, в распахнутом восточном халате, подбитом мехом и в щегольски присборенных сапогах папа выглядел оригинально. Что и говорить, с его внешностью в темноте и с наскоку можно было детей пугать, но обаянием он за пояс заткнет любого из красавцев.

Папа положил саквояж на бок и, щелкнув пальцами, сказал:

– Прошу на выход! Парад алле!

На зеленую скатерть стола выкатился на деревянной коляске из саквояжного зева, как из пещеры, уменьшенный до размера игрушечного гнома дедушка. Папа чихнул, демонстративно взмахнув рукой. Дедушка на коляске подпрыгнул и в синем пузыре магии опустился на пол, принимая нормальные размеры.

– Нельзя ли помягче? Это форменное безобразие – чихать вместо приличного заклятия, – проворчал дедушка и радостно огляделся. – Анечка, наконец-то! Ужинать будем?

– Разумеется, – вздохнула я. – Я уже умираю с голоду. Надеюсь, вы не все съели по дороге?

– Дорога была длинной, моя дорогая, – заявил папа, похлопывая себя по животу. – А нервы щекотали, сама знаешь… – И прошелся по комнате, словно вспоминая, как это делается, с энтузиазмом похрустывая коленями.

Дедушка по маме, прозрачный, седенький, сморщившийся вдвое по сравнению с годами зрелости и слегка впавший в детство, потянул носом и, мигом уловив запах съестного в глиняном горшке, покатил свою коляску к другому концу стола. Папа сделал пару наклонов в стороны, повертел туловищем в талии и сказал:

– Ну что вы, Савантий Платоныч, зачем вам простонародная еда, уж не в социалисты ли вы записались?

И, переплетая пальцы одной руки в заклинании, другой достал из кармана крошечный амулет, похожий на золотое зеркальце. У меня тоже такой был, семейный талисман на счастье. Папа потер амулет и громко позвал в сторону большого, выше человеческого роста зеркала в старинной резной раме, которое стояло, прислоненное к стене: «Пш-пш-пш!»

Это что-то новенькое!

Зеркальная гладь покрылась морозными узорами. Они стали выпуклыми, образуя кошачью морду из серебристых линий. Та пошевелилась и раскрыла синие мистические глаза.

– Долго же тебя пришлось ждать, Филипп, – заявил кот. – Уже обрюзг и постарел.

Мой папа поклонился ему весьма почтительно.

– Дела, дела, приключения! Годы пролетели незаметно. Скучал. Веришь? Очень скучал. Но как вырваться, когда то императорский бал, то война с басурманами! Везде был зван, везде нужен… Рад нашей встрече и доброй тебе ночи, хозяин дома!

Зверь, сотканный из инея, обрел форму и выпрыгнул из зеркала на паркет, превратившись в простого белого кота, довольно тощего и местами свалявшегося, как старый коврик. Зеркало, ставшее обычным, удивительно точно отразило мою изумленную физиономию и слегка наэлектризованные каштановые локоны, а позади – веселое, с дьявольщинкой, лицо папы. Хорошо, что я похожа на него только цветом волос, глаз и магией. Будь я всем осталь-

ным в папу, стоило бы загодя записываться в старые девы. Благо, мама была красавица! Ах, как я скучаю по ней…

Папа подхватил меня под руку и представил коту:

– Это, уважаемый хозяин, Анна Филипповна, моя надежда и гордость, моя дочь.

Кот обошел меня, изучая, и кивнул.

– Энергия достойная. Отчего путешествуете налегке?

– Папа скрывается от властей и от гнева императора, – сказала я. – Очень приятно познакомиться.

– Прекрасно выглядишь, хозяин, – с лету соврал папа клубку свалявшейся шерсти. – Я хоть и не приезжал долго, но о доме заботился: регулярно платил за обслуживание, чтобы топили, навещали, отчеты требовал в письмах, все честь по чести. И гляжу, не обманули меня, дом не заброшен, человеческим теплом кормлен…

Я вскинула на папу ошарашенный взгляд. Что он имел в виду?

Кот запрыгнул на кресло, похожее на королевский трон, и внимал, судя по взгляду колдовских глаз, не очень-то доверяя. А папа продолжал с поспешностью и взахлеб:

– Нам бы, хозяин, как в старые добрые времена. Куда-нибудь подальше и побыстрее, лучше в тепло средиземноморское. Соскучился я по креветкам и омарам, знаешь, по этой южной феерии без морозной пыли в глаза; и старику тестю хорошо бы морские ванны, чтоб суставы не ломило. Пропустишь по дружбе?

– Ну уж нет, – заявил кот. – И снова на десятки лет в одиночестве? Кто-то один должен остаться. На год как минимум.

– Дочурка? – Папа с умильной улыбкой и любящим взглядом взял меня за руки. – Ты проделала такой путь… Ты же не позволишь твоему любимому доброму папочке погибнуть от злого рока и деспотизма власть имущих, ведь правда?

М-да, что-то подобное я и предполагала…

Но целый год! Одна! В этом захолустье!

– Ты не пожалеешь! – торжественно сказал папа. – А я тем временем найду решение проблемы и буду тебя навещать. С подарками! Ты же такая умница, моя несравненная Анечка! Моя гордость и самая большая любовь! – Он взглянул заискивающе. – Ты ведь тоже любишь своего папу?

Я вздохнула. Люблю, конечно. Иначе я могла бы во всеуслышание отречься от «преступника» и не уезжать из нашего чудесного особняка у Лебединых прудов, прочь от друзей, подруг, кавалеров, модисток и увлекательных вечеров в магическом клубе. А я все это бросила. Даже оставила без ответа одно предложение руки и сердца. Впрочем, уверена, что граф Львенский на мое «да» не очень-то и рассчитывал, а после всей этой суматохи с папой, наверняка счастлив, что я не стала его невестой.

– Анна, я обещаю! – горячо воскликнул папа. – Все это лишь недоразумение! Мы вернем расположение императора и даже улучшим наше положение при дворе! Потом делай, что захочешь: выходи замуж, заводи любовника, строй дворцы, путешествуй!

Кот фыркнул, словно усмехнулся.

Я подняла глаза. Надо же, насколько честный и преданный взгляд у того, кто через слово лжет. Но чего я точно не хотела, так это шить траурное платье и в самом деле становиться сиротой. Досадно было, что папа не предупредил меня о планах, сказал лишь, что только в этом доме он сможет укрыться и быть в безопасности.

– Ладно, – надувшись, ответила я. – Но ума не приложу, как ты можешь вернуть благосклонность императора. Надо смотреть правде в лицо: он тебя не помилует.

– Ну полноте, Аннушка! Император остынет, а потом по мне заскучает, вот увидишь! Кто лучше меня украсит его скучные политические будни? Вокруг него одни зануды и прихлебатели, а я – это я! Мои идеи, моя гениальность, мои нестандартные ходы…

– Да, папа, нам дорого обошелся твой последний «ход конем».

– Аня, сердце мое, но ты должна верить в своего папу!

Звук грохнувшегося на пол горшка сбил пафос до нуля. Мы обернулись. Дедушка с куском телятины в одной руке и с пирогом в другой растерянно смотрел из коляски на соленые огурчики на паркете, присыпанные зеленым луком.

– Это знак! – пробормотал дедушка, быстро дожевывая. – Все к счастью!

В дверь снова постучали. Да кто посмел?! Ночью!

– Хозяин! – громким шепотом взмолился папа. – Это за мной! Пропускай нас скорей, пожалуйста! Анна остается!

Стук стал еще более требовательным.

Белый кот прыгнул с кресла прямо в зеркало. Оно засияло сначала серебряным, потом золотым светом, и зеркальная грань начала расступаться, как портал. В лицо повеяло морем, я увидела пальмы, колышущиеся от бриза. Папа сплел пальцами заклинание, уменьшая дедушку. Тот, вместе с коляской подскочив в синем пузыре магии, вновь съёжился до игрушечных размеров и… покатился куда-то под комод. Дверь уже ходила ходуном.

– Беги! – шепнула я папе и толкнула в зеркало.

Пухлый папа скакнул к пальмам, как тряпочный мячик. Обернулся, сделав большие глаза, и по губам я прочла: «А дедушка?!» Я махнула ему рукой: мол, спасайся. И зеркало закрылось, став обычным.

Прихватив кочергу, я бросилась к двери, которую уже сносили с петель.

– Кто?! – прорычала яростно.

– Картошечки принесла, – проблеяла за дверью Настасья. – А еще вы, кажись, горите. Полыхало что-то в столовой – мать увидела.

– В столовой?

Я обернулась. То есть там, где в углу стояло зеркало. Значит, они все же подглядывали, хоть толком ничего и не разглядели ничего благодаря шторам. Взбешенная, я распахнула дверь. Настасья в одной руке сжимала горшок, из которого поднимался в стужу пар, в другой – ведро с водой. И сразу вытянула шею, заглядывая в дом.

– А вы одне?

– Если. Еще. Раз. – Тяжело дыша и сдувая с лица упавшие пряди, проговорила в ярости я. – Ты. Позволишь. Себе. Ломиться. Ночью. – Подняла кочергу и потрясла ею. – То все… И суд меня оправдает!

– Прощения просим, барышня… – Настасья, пятясь, поставила на первую ступень крыльца ведро и горшок. – Думали, пожар… Спужалися…

– И поэтому ты одна явилась, спасительница! Остальным некогда! Вон! – рявкнула я и захлопнула перед ней дверь.

– А картошечка остынет…

– Вон! – гаркнула ещё громче и наконец услышала поспешный скрип снега под валенками.

Ну и отлично.

Спустя пару секунд, слегка остыв, оглядела упавшие на пол остатки телятины и растоптанные соленые огурцы. Забрала с крыльца воду и горшок с картошкой в дом. Заперлась как следует, подошла к щели между комодом и буфетом. Опустилась со свечой в руках на колени, заглядывая под мебель.

И где теперь искать дедушку?

Внезапно нос к носу ко мне возник белый кот, тоже посмотрел в просвет и потянулся лапой.

– Хозяин, только осторожнее, пожалуйста! – воскликнула я. – Дедушка хрупкий, у него кости не очень…

Кот ко мне не прислушался, пошарил под шкафом лапой, и крошечный дедушка на коляске выкатился ко мне с ошалевшим видом и сверчком на голове. Я поймала осторожно, сдула сверчка и подняла дедушку в ладонях. Он возмущенно всплескивал ручками и пищал, как комар. Вот и отлично: ругается – значит, не убился. Плохо только одно: магией обратного увеличения я не владею…

Белый кот глянул на нас, довольно облизнулся, словно после сытного ужина, и прыгнул в зеркало. И тут до меня дошло: если кот – дух дома, то он точно знал, кто у порога! И не сказал! Вот прохвост!

Глава 3

Засыпала я, чертыхаясь, как извозчик, хотя это не в моих правилах. Обычно я благодарю мир и Бога за все хорошее. Проснулась с мыслью: как расколдовать дедушку, пока его не хватил удар? К ней присоединилась другая, про кота – хозяина дома: что он вообще такое? Не домовой, не дух, не фамильяр, не призрак, а нечисть загадочного прохиндейского типа – под стать папе, при всем моем уважении.

Утро заглядывало в окна. Дедушка еще спал на канапе в устроенной кукольной «норке» из моего мехового капора и муфты с постельным бельем из батистовых носовых платков, храпел, как охмелевший шмель в цветке. Благо, он сова, раньше полудня не встанет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.